

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

День 1

...Девушка бежала, хватая ртом воздух; глаза ее были огромными от страха и казались черными провалами на мертвенно-белом лице, которое хлестали костлявые ветки; луна едва освещала путь...

Уже давно никому не страшно, никто не замирает в ужасе, настолько картина стала привычной. В каждом пятом триллере есть такая сцена. Интересно, почему в роли жертв всегда оказываются красивые девушки? Некрасивой зритель не посочувствует? А старой? А мужчине?

Вечная загадка: кино делают идиоты — или кино делают для идиотов?..

В прихожей прогремел звонок. Алексей выключил телевизор, посмотрел в окно. Снег шел три дня без передышки и по колено завалил Москву — редкость по нынешним временам для декабря. Но сегодня небо расчистилось, и дальше по классику: и мороз тебе, и солнце, и день совершенно сказочный. Город пропах хвоей — все как очумелые тащили елки, и их верхушки, волочась хвостами, радостно взметали искры снежинок.

В кабинете частного детектива Алексея Андреевича Кисанова тоже было светло и ярко от солнечных граффити на белой стене и тоже пахло хвоей: в синей квадратной вазе на широком подоконнике зеленели еловые лапы, на которых залихватски сидел завиток серпантина. Посетительница все это заметила, вдохнула запах и грустно улыбнулась, присаживаясь у массивного письменного стола детектива.

Скромное обаяние сдержанности. Идущее изнутри ощущение самодостаточности, при котором нет нужды что-то демонстрировать, доказывать — зачем? Оно, как фиамма, овеивает облик человека, и тогда всё ему идет, всё к лицу: хоть черное, хоть красное, хоть серо-буро-малиновое.

Впрочем, новая клиентка одета не в серо-буро, а в рубашку оливкового цвета с высоким воротником (верхнюю ее одежду, шубу или что там, детектив не видел: в прихожей посетительницу встретил Игорь, ассистент). Пара пуговиц рубашки расстегнута, поблескивает какое-то золотое украшение, чуть ниже угадываются полукружья довольно пышной груди. Небольшие золотые сережки, темно-русская длинная челка, с изящной небрежностью падающая на высокий лоб, голубые внимательные глаза — все это сочеталось как нельзя лучше. Только, пожалуй, лиловые тени на веках не совсем вписывались в тон — Алексей потому и заметил их, что ощутил диссонанс, обычно он к таким подробностям невнимателен. Но это уже мелочь. Тем более что лиловость была неяркою, не кричащей — так, чуть-чуть. Алексею Андреевичу Кисанову (для избранных просто Кис)

посетительница понравилась. Весь ее облик выдавал человека доброго и разумного, приветливого и уютного. Есть женщины, за которыми уют ходит, как собачка на поводке: куда бы они ни пришли, везде становится тепло и душевно, и быт будто сам по себе налаживается и обустройствается. Как прикинул Кисанов, лет ей было около тридцати трех — тридцати пяти, но в наше время женщины долго выглядят молодыми, так что истинный возраст новой клиентки детектив определить затруднялся.

— Оксана Георгиевна Шаталова, — представилась она. — Хотя можно без отчества.

Алексей кивнул: принял к сведению.

— Мне представляться нет нужды, — ответил он, — вы знаете, к кому пришли. Отчество по желанию. Чем могу помочь, Оксана?

Вопрос, в принципе, лишний. По логике вещей, раз уж человек обратился за помощью к частному детективу, он сам и скажет, за какой именно. Однако в жизни помимо логики существует психология. Люди часто теряются: одни стесняются, другим трудно начать с ходу говорить на болезненную тему, трудно подобрать слова. Посему Алексей давно взял на вооружение набор ничего не значащих вопросов — обычно они помогают клиенту заговорить о своей беде.

Но на этот раз не сработало.

— По дороге к вам я все время думала, с чего будет лучше начать, — произнесла Оксана. — Но так и не придумала.

— Стало быть, — заметил Алексей, — история длинная? Или событий в ней много?

— История как раз короткая, — вздохнула Оксана, — а вот событий в ней... Да, много. Слишком много для того, чтобы их пережить одному человеку... — Она сделала глубокий вдох, будто собиралась нырнуть. — Моего сына убили, — сказала она тихо. — Мой муж пропал, — произнесла она еще тише. — Моя дочь сбежала... — почти прошептала она, сморгнув.

Вот же ж черт! Детектив был ошарашен списком, в котором каждое событие по отдельности уже было полноценной трагедией. Особенно смерть ребенка. Алексей Кисанов ненавидел истории, в которых погибают дети. Верно сказала Оксана: слишком много для одного человека. Для одной бедной души.

Однако нет, плакать мы ей не позволим, иначе и к концу дня до сути не доберемся.

— Какое из них было первым по хронологии? — «деловым голосом» спросил Алексей. У него в арсенале водился такой специальный голос, чтобы перешибать эмоции и возвращать клиента к мысли.

— По хронологии... — Оксана, немного помолчав, вдруг решительно откинула русую прядь со лба, будто дала стартовый сигнал самой себе. — Сначала убили моего сына. Или нет, не так. Сначала его похитили... Простите, я путаюсь. Сначала сбежала дочка...

Оксана наморщила лоб, потом с силой потерла его. И четко произнесла:

— Вот какая хронология: сначала Юру, моего мужа, обвинили в растрате денег его компании. Потом сбежала дочка. Потом похитили Антошу. А потом Юра поехал к похитителям с деньгами. И вот там, на какой-то лесной поляне, нашего Антошеньку застрелили.

Оксана уперлась взглядом в столешницу письменного стола, а пальцы ее правой руки принялись теревить украшение, возить по цепочке кулон в виде золотой пластинки, в очертаниях которой угадывался парусный кораблик. Только теперь детектив понял, что не тени на глазах Оксаны лиловые, — сами веки ее лиловые, припухшие. Много плакала она в последнее время.

— Мои соболезнования, — тихо произнес Алексей.

— У вас есть ребенок? — Оксана взглянула на него.

— Да.

У Алексея Кисанова на самом деле было трое детей, но посетительница пришла не за тем, чтобы слушать подробности его личной жизни.

— Тогда вы меня понимаете... — она прижала пальцы к уголкам глаз, словно желая воспрепятствовать слезам. — А муж исчез, — быстро добавила она, стараясь сохранить интонацию сухого отчета. — Не вернулся домой с той поляны.

— Его не нашли?

Алексей хотел спросить: *тело* не нашли? — ведь отец не ушел бы добровольно, оставив сына, живого или мертвого. Значит, он...

Но детектив пощадил Оксану, задал вопрос помягче.

— Лишь капли крови. Видимо, Юру ранили в перестрелке... Собаки взяли след, но уперлись в речку — там протекает мелкая речушка, как мне в полиции объяснили. После этой речки собаки след и потеряли.

У Оксаны на лице и шее проступили темно-розовые пятна. Она почувствовала это, прикоснулась к щекам ухоженными руками, потеряла кожу.

— Это нервное, не пугайтесь.

Алексей кивнул.

— Кого-нибудь арестовали? — спросил он. — Личности преступников установили?

— Нет.

— Свидетелей обнаружили?

— Тоже нет. Полиция пришла к выводу, что кроме Юры там были еще два человека. Они убили моего сына и ранили мужа. А может, и убили. Или он позже умер от ран где-то в глухом месте...

Она снова умолкла и замерла, горестно глядя в стол, и пальцы ее все возили кораблик по цепочке.

У детектива сразу возникли вопросы — например, был ли вооружен сам Юра, сколько гильз нашли и сколько пуль, от какого оружия да как они оказались расположены на месте перестрелки, — но еще не наступило время, чтобы их задавать. Он еще не взялся за расследование: Оксана пока не сформулировала просьбу.

— Когда это произошло?

— Пятого октября.

А сегодня одиннадцатое декабря. Прошло два с лишним месяца. Это много. Чего же Оксана ждала?

— Расследовать лучше по горячим следам, — дипломатично заметил Кис.

— Я все надеялась, что полиция найдет Юру, что поймают убийц. И что дочка вернется...

— Она сбежала из дома, вы сказали.

— Да. Еще до того, как похитили Антошу. Юля так и не знает, какая беда у нас случилась.

— Об этом сообщали в прессе? По телевидению?

— Не могу сказать, не в курсе. Какие-то журналы рвались со мной поговорить, но я всем отказывала, на звонки не отвечала, дверь никому не от-

крывала. В таком состоянии была... Будто меня саму убили. Спасибо Ане — это моя подруга, — она сидела со мной, как с больной, даже ночевала у меня... Вы думаете, Юлия могла как-то узнать из прессы о... случившемся? — Оксана явно не смогла произнести слов «о смерти брата». — Но тогда бы дочка сразу вернулась, не сомневайтесь! — в ее голосе слышалась уверенность.

— Не сомневаюсь, — кивнул Алексей. — И что я могу для вас сделать? — снова включил он «деловой голос». — У вас произошли три печальных события: сбежала дочь, погиб сын, исчез муж. Полиция, как я понял, ничем помочь не сумела, и вы пришли ко мне, частному сыщику. Чего вы ждете от меня? Чтобы я попробовал найти вашу дочь? Мужа? Установить, кто виновен в гибели сына?

Повозив украшение по цепочке, Оксана подняла наконец глаза на детектива:

— Всё.

— То есть...

— Найдите ответы на все мои вопросы.

Ого! Этому Алексей не ожидал. Прошло два с лишним месяца, полиция ничего не установила — и теперь он, частный детектив, должен дать Оксане ответы на мучающие ее вопросы?! Но это почти нереально... Если б она сразу обратилась, тогда б еще имело смысл попытаться. А спустя столько времени...

— Хорошо, — бодро ответил он. — Можем попробовать. Расценки на мою работу указаны на сайте, вас они устраивают?

— Да, не беспокойтесь.

Алексей вовсе не беспокоился — нет, он спросил в надежде, что клиентка вдруг спохватится и откажет-

ся от его услуг. Поскольку поставленная задача его отнюдь не вдохновляла. Это дело не из тех, которые разрешаются в три прихлопа. Возможно, и в десять не разрешаются, или даже вообще не разрешаются.

— Мы живем... Я живу, — исправилась она, — в Подмосковье, в Энске¹, преподаю английский и немецкий в частной школе, мне хорошо платят, плюс индивидуальные уроки. Так что не вопрос.

Алексей знал Энск: он разросся за последние два десятилетия из бывшего дачного поселка, который и в прежние времена был престижным. Скоростное строительство коттеджей и малоэтажных домов, которые застройщики сдавали целыми кварталами, и стремительное развитие инфраструктуры — школ, детских садов, поликлиник, магазинов класса «люкс», спортивных сооружений, клубов и ресторанов — превратили его в городок для состоятельных людей. Неудивительно, что учительница частной школы хорошо зарабатывает.

— Ну что ж... Тогда приступим. Я должен задать вам уточняющие вопросы. Предупреждаю: придется влезать в личное. Случается, люди не понимают и начинают нервничать, а то и...

— Я понимаю. Не беспокойтесь.

— Отлично. Будем придерживаться хронологии. То есть начнем с побега вашей дочери. Юля, так? Что случилось перед этим? Вы поссорились?

— Пустячная ссора, ерунда, из-за такого не сбе-

¹ По русской литературной традиции, Энск или N-ск — означает некий вымышленный город.

гают из дома. Она всего лишь прогуливала школу, притворяясь больной.

— Притворяясь?

— Она даже не особо скрывала, — вздохнула Оксана. — Сначала Юля заявила, что не пойдет на уроки, так как собралась ехать к своему парню. Это было очень неожиданно: она организованная девочка, самостоятельная, ее не приходится понукать, она сама знает, что следует делать и когда. А тут вдруг...

— То есть Юля влюбилась? Или у нее отношения с этим парнем уже давно завязались?

— Не могу вам сказать. Они играли в шахматы по Интернету на каком-то сайте, там и познакомились. Виртуальная любовь, понимаете ли. Думаю, это случилось за два-три месяца до ее побега. Она мне ничего толком не рассказывала, лишь как-то обронила, еще летом, что Том ей нравится...

— Том? Он иностранец?

— Не думаю. На сайтах у них у всех псевдонимы, клички.

— И где этот сайт обитает, по какому адресу, не знаете?

Оксана покачала головой.

— Я же не думала, что все может так повернуться... Не видела необходимости выяснять.

— Хорошо, — кивнул Алексей. — Вернемся к хронологии. Значит, Юля вдруг заявила: я еду к Тому, так?

— Примерно. А если точнее, то *«завтра в школу не пойду, мне нужно повидаться с Томом»*.

— То есть Юля решила — или они вместе с ее Томом решили — срочно перевести свои отношения в реал?

— Видимо, — пожала плечами Оксана. — Дочка не пояснила.

— Ладно. Что было дальше?

— Я категорически запретила ей прогуливать школу. Я прекрасно понимаю свою дочь, я не против ее влюбленности, отношений с мальчиком. И я не стала бы возражать, если бы Юля попросилась уехать на выходной. Конечно, после проверки, что это за Том такой. Но вместо уроков? Это ни в какие ворота... Я не позволила.

— И тогда Юля притворилась больной, так?

— Да. И все равно прогуляла школу.

— Вам назло? Отомстила?

Оксана ответила не сразу. Золотой кораблик еще немного покатался по цепочке.

— Понимаете, когда подростки влюбляются, взрослые начинают казаться им врагами. Я не только по своей дочери знаю — я ведь в школе работаю, насмотрелась. У детей нет ничего важнее их влюбленности, у них «пожар любви», а взрослые талдычат: поздно не ложись, уроки делай, оценки хорошие приноси, в комнате убери. Полярная противоположность интересов, ценностей. Поэтому отношения сразу портятся.

— Значит, Юля прогуляла школу...

— И на второй день тоже. И на третий. А на третью ночь сбежала.

— Но она хоть как-то объяснилась с вами?

— Нет, только оставила записку. Не знаю, куда я ее задевала, — в таком была шоке... Но текст помню: *«Мама, папа, не обижайтесь, но меня достала ваша опека, я хочу жить самостоятельно. Я уже взрослая, не пропаду, у меня есть друзья и есть дар.»*

Не ищите меня. Иначе я никогда не вернусь».

— Дар?

— Юля талантливая шахматистка. Победительница городского и районного первенств по шахматам. Наш мэр самолично вручал ей медаль! И скоро она должна участвовать в региональном турнире. Да вот, сбежала... Вы не подумайте, что у нас плохие отношения были, совсем нет!

— Я и не думаю, с чего бы?

— Ну как же, записка в таком тоне холодном написана, прямо ледяном, будто Юля нас не любит. Но, уверяю вас, она нас очень любит, у нас близкие, душевные отношения, — грустно произнесла Оксана.

Кис верил. У такой уютной матери, как она, могут быть только уютные отношения с детьми. Такие, где всем комфортно. И записка дочери отнюдь не свидетельствует о плохих отношениях — это милая Оксана с по-настоящему «плохими» никогда не сталкивалась. В подобных семьях и вовсе записок не пишут. В подобных на родителей начихать — станут ли те волноваться, искать свое чадо, не спать ночами? А тут: «Мама, папа, не обижайтесь». Не обижайтесь — это равноценно извинению.

Однако записка девочки была и впрямь сухой, отстраненной. И главное, звучала не слишком убедительно. «Достала ваша опека»... Алексей ощутил нотку фальши в этих словах. Когда подростка действительно достали, он выражается иначе. Резче, что ли... И короче. А эта написана вежливо, хорошо воспитанной девочкой. Не вы, родители, меня достали, — это было бы несправедливо, Юля чувствовала, у них ведь душевные отношения в семье! — а опека